

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ

Предлагаемый вниманию Читателя материал стал непосредственной реакцией на опубликованную в №38 журнала статью А.Фененко «Междержавная конкуренция на Ближнем Востоке». Отсюда – название учрежденной для таких случаев рубрики. Редколлегия «Международных процессов» исходит из полезности и даже желательности структурирования научных дискуссий в профессиональном сообществе по требующим обсуждения проблемам мирополитической практики в привязке к объясняющим их теоретическим подходам и поэтому призывает потенциальных авторов к развитию уже поднятых или разработке только намеченных на страницах журнала сюжетов.

МЕНЯЮЩАЯСЯ ГЕОМЕТРИЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ РАСКЛАДОВ

ЛЕОНИД КОРОЛЬКОВ

Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском Союзе,
Брюссель, Бельгия

(в личном качестве)

Резюме

Ближний Восток – привычная зона пересечения интересов ведущих мировых держав. В последние годы наметилась тенденция к пересмотру региональных стратегий со стороны целого ряда государств, исторически оказывающих основное воздействие на ближневосточную повестку дня. Параллельно наблюдается стремительное возвышение внутрирегиональных игроков на фоне ослабления многих традиционно влиятельных государств. Новые реалии обуславливают обострение борьбы за сферы влияния.

В данной статье оцениваются события, происходящие в регионе с 2011 года, и их последствия с точки зрения изменения баланса сил и взаимодействия ключевых внешних и внутрирегиональных игроков. Проводится анализ внутрирегиональной ситуации, устремлений и возможностей ключевых региональных акторов. Особое внимание уделяется влиянию США на развитие событий на Ближнем Востоке, а также возрастающей роли России в стабилизации ситуации.

Ключевые слова:

Ближний Восток; великие державы; стратегия США; внешняя политика России; Персидский залив.

Революционные события, происходившие на Ближнем Востоке в начале 2010-х годов и называемые западными экспертами «Арабской весной»¹ или «Арабским пробуждением»², привели к смене полити-

ческих элит в ряде государств, среди которых Египет, Ливия и Тунис [Сапронова 2011], а также возвышению некоторых региональных игроков, ранее не оказывавших заметного влияния на события в реги-

¹ Lynch M. The Big Think Behind the Arab Spring // Foreignpolicy.com – 2011. – December.

² Gargash A. The New Arab Awakening // Foreignpolicy.com – 2013. – July.

оне³. Сохраняющаяся нестабильность: борьба за власть в Египте, гражданская война в Сирии, анархия в Ливии, накопившееся до предела суннитско-шиитское противостояние, подстегиваемое американцами еще со времен Дж.Буша-мл. и в итоге приведшее к появлению новой региональной угрозы в лице Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ) – свидетельствует о незавершенности начавшегося более четырех лет назад тренда на перекраивание политической карты Ближнего Востока. В подобной ситуации, впрочем, как и всегда, важнейшим фактором остается поведение крупных мировых держав и региональных игроков. От их долгосрочных стратегий, позиций и ситуативных коалиций во многом зависит будущее Ближнего Востока.

1

Исторически Ближний Восток не представлял собой сложившейся региональной подсистемы ввиду отсутствия в нем признанных стран-лидеров, способных сформулировать общерегиональную повестку дня и консолидировать вокруг нее большинство местных государств. Попытки глав Египта, Ирака, Ливии, Саудовской Аравии в постколониальный период обрести широкую популярность на «арабской улице» и повести за собой население стран региона не увенчались успехом. Не смог окончательно утвердиться в статусе единственного лидера этой части мира и единственный претендовавший на него внешний субъект – США.

Данный регион на протяжении истории оставался объектом борьбы за сферы влияния и интересов множества государств, а с недавнего времени – и разного рода негосударственных участников⁴. Перспективы эволюции Ближнего Востока и его трансформации в устойчивую региональную

подсистему с лидерской или пространственной структурой будут, как и прежде, определяться соотношением волевых и ресурсных характеристик заинтересованных игроков.

Соотношение двух этих категорий – воли и ресурсов для реализации поставленных задач – становится управляющим параметром в развитии ситуации с точки зрения взаимодействия между основными протагонистами ближневосточной политики, формирования блоков и союзов, возвышения и, наоборот, понижения роли отдельных государств. Во многом это обусловлено последствиями экономического кризиса, отразившегося, в частности, и на возможностях внешнеполитического действия большинства государств Запада, в первую очередь США, Великобритании и Франции. Очевидно, что в 2010-х годах самостоятельность западных государств ограничивается не только структурами (ЕС, НАТО и т.д.) [Шаклеина 2009], членами которых они являются (подобное наблюдалось и ранее), но и вызванным финансовым кризисом дефицитом ресурсов для ведения региональных военных кампаний [Mandelbaum 2011].

Подобная ситуация благоприятно сказалась на положении государств Персидского залива, чьи экономики менее зависимы от мировой финансовой конъюнктуры. В результате серьезно укрепились региональные позиции Саудовской Аравии (КСА), Катара и ОАЭ. На их позиции положительно влияет и наметившаяся тенденция к росту удельного веса внутривнутриполитических и социально-экономических факторов в процессе принятия внешнеполитических решений в странах Запада, где политическая воля и внешнеполитическое планирование традиционно – но в свете недавнего кризиса особенно – подчинены внутриво-

³ В первую очередь, имеется в виду Катар – небольшой эмират в Персидском заливе, сумевший воспользоваться благоприятной конъюнктурой и, благодаря политической воле руководства и серьезным финансовым ресурсам, оказавший непосредственное влияние на развитие ситуации в Тунисе, Ливии, Египте и Сирии.

⁴ С начала нового века наметилась тенденция на рост влияния в региональной политике представителей «Братьев-мусульман», движений ХАМАС и Хизбалла, различных террористических группировок, а в последние годы – также отдельных племен и влиятельных шейхов.

литической конъюнктуре, определяемой прежде всего актуальной социально-экономической повесткой дня и электронными циклами. Известно, что руководители плюралистических режимов в гораздо большей степени вынуждены действовать с оглядкой на парламент и избирателей.

Неудачи администрации Дж. Буша-мл. в Ираке и Афганистане [Шаклеина 2009, Сушенцов 2011] потребовали от команды Б.Обамы принятия принципиально новых подходов к ключевым проблемам региона от ближневосточного урегулирования (БВУ) до отношений с Исламской Республикой Иран (ИРИ), что уже привело к охлаждению отношений с традиционными союзниками – КСА и Израилем. Участие британских войск в операциях в Ираке, Афганистане и Ливии подогрело недовольство населения, следствием чего стал отказ парламента поддержать военную акцию против режима Б. Асада в Сирии. Во Франции неудачи ближневосточной политики Н. Саркози во многом предопределили его поражение на президентских выборах.

Таким образом, в отсутствие достаточных ресурсов, поддержки населения и воли для реализации самостоятельных долгосрочных стратегий на Ближнем Востоке, ведущим мировым державам находятся в большей степени, чем обычно, учитывать динамику внутрирегиональной ситуации и прислушиваться к местным центрам силы. В подобных условиях наблюдается возвышение региональных игроков, как традиционных, так и новых. При этом ключевым фактором формирования нового баланса сил на Ближнем Востоке становятся союзы внешних и внутрирегиональных субъектов.

2

Рассмотрим основные параметры, характеризующие расстановку сил в регионе Ближнего Востока. Главными *внешними игроками* традиционно являются великие державы: с одной стороны, США, Великобритания и Франция, с другой – Россия и Китай. Разделение этой группы государств на два лагеря обусловлено расхождением позиций по целому ряду вопросов, так или

иначе связанных с вмешательством во внутренние дела местных государств (Ирак, Иран, Сирия и т.д.). Различия в подходах, в свою очередь, определяются исходными возможностями, задачами, а также историческими амбициями великих держав. США на Ближнем Востоке традиционно исходят из концепции политической, экономической и военной экспансии, стратегия Великобритании и Франции опирается на колониальный «багаж», Россия стремится к выравниванию баланса сил в регионе и участию в переговорных процессах по ключевым вопросам, а Китай уделяет основное внимание расширению экономического присутствия и развитию бизнес-связей.

Более динамично меняется распределение возможностей среди внутрирегиональных игроков. В 2010-х годах здесь наметилась тенденция к возвышению трех центров силы – Турции, Саудовской Аравии и Ирана. Каждая из этих стран претендует на роль регионального полюса, на который должны ориентироваться потенциальные сателлиты и ведущие внешние игроки. Важно при этом учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, Турция, КСА и Иран – своего рода «чужаки» для «арабской улицы» и лидеров большинства арабских государств. Историко-культурный контекст на Ближнем Востоке всегда значил гораздо больше, чем, например, в Европе, Восточной Азии и уж тем более – в Западном полушарии. Нужно понимать, что с этой точки зрения восприятие Турции или Ирана всегда будет содержать в себе элемент враждебности. Место Эр-Рияда в системе ценностных координат арабского мира будет вторично по отношению к Каиру, Багдаду или Дамаску. Цивилизационно-символический потенциал последних, скорее всего, перевесит аргументы политической конъюнктуры и реального политико-силового равновесия. Этим обуславливаются заинтересованность турок, саудитов и иранцев либо в полном разрушении старых традиционных центров притяжения (пример Ирака и Сирии), либо в создании выгодных союзов с региональными игроками, таких, как Турция-Катар, Саудовская Аравия-Египет

и Иран-Сирия. При этом последние две оси характеризуются попытками более мощных в экономическом и военном плане субъектов оказывать политическое влияние на своих ослабленных союзников.

Во-вторых, наличие в регионе других самостоятельных и мощных игроков усложняет формирование четкой системы с ярко выраженными центрами влияния. Так, Израиль предпочитает играть по своим правилам и отстаивать национальные интересы, которые периодически ситуативно совпадают с целями других государств региона, что обуславливает непостоянство израильских связей и союзов⁵. Дополнительную вариативность израильской политике придает тот факт, что с приходом к власти в США администрации Б. Обамы наметилось очевидное охлаждение в этом традиционно прочном историческом партнерстве.

Линия Катара последних лет также способствовала дестабилизации ближневосточного региона. Политическая активность эмирата на первых этапах «Арабской весны» привела, с одной стороны, к укреплению позиций самого Катара, фактически ставшего мощным независимым игроком, претендующим на роль самостоятельного центра силы на Ближнем и Среднем Востоке. С другой – к смене режимов во многих традиционно мощных государствах от Ливии до Египта. При этом смена власти в самом эмирате летом 2013 года, ознаменовавшая некоторое снижение катарской внешнеполитической активности, еще больше осложнила ситуацию в регионе.

Стремящееся к мирному сосуществованию с другими региональными державами новое катарское руководство официально налаживает связи с соседями из Саудовской Аравии, активизирует политическое взаимодействие и экономическое сотрудничество с Турцией и открыто заявляет о дружеских отношениях с Ираном. При этом на неофициальном уровне катарские шейхи и

прикормленные Дохой влиятельные клерикалы остаются одной из основ возвышения радикального ислама в регионе.

Египет, Сирия и Ирак, ослабленные нестабильностью и борьбой за власть, до сих пор располагают серьезным потенциалом, обеспеченным, как уже было отмечено, их символическим и идеологическим капиталом. При этом Ирак также выделяется наличием существенных углеводородных ресурсов, а Египет – по-прежнему крупнейшая страна арабского мира. От поведения этих государств и того, какой путь изберут их руководители, в существенной степени зависит судьба регионального баланса сил.

Сохраняющаяся военно-политическая нестабильность в регионе затрудняет формирование каких-либо среднесрочных и тем более долгосрочных союзов и, таким образом, замедляет процесс формирования нового порядка на Ближнем и Среднем Востоке. Складывается ситуация, при которой не только не ясно, какие элиты в итоге одержат победу в борьбе за власть в Египте, Сирии, Ливии, Ливане и, например, Бахрейне. Потенциально подвижной продолжает оставаться политическая карта региона: под угрозой расчленения находятся как упомянутые государства, так и Ирак и даже Саудовская Аравия. Нерешенным остается палестино-израильский конфликт. Вновь актуализировался курдский вопрос. В этих условиях ведущие мировые державы и крупные ближневосточные игроки сталкиваются с очевидными сложностями при разработке своих региональных стратегий.

На фоне сохранения долгосрочных противоречий принципиальное значение сегодня приобретают две ключевые особенности среды региональной безопасности, непосредственно влияющие на конфигурацию центров силы и контуры реальных и потенциальных союзов в регионе.

Суннитско-шиитское противостояние с наступлением «Арабской весны» обрело

⁵ Мирное сосуществование с Египтом, находящееся под угрозой в связи с нестабильной ситуацией в этой стране, экономическое сотрудничество с Турцией и Катаром, нарушенное из-за расхождений по палестинскому вопросу, временное блокирование с Саудовской Аравией ввиду угрозы со стороны Ирана и т.д.

новые черты и в настоящее время распространилось едва ли не на весь Ближний и Средний Восток. Многие западные аналитики, увлеченные наметившейся тенденцией, склоняются к разделению региона на два лагеря: представителей шиитской дуги (Иран, Сирия, Хизбалла, потенциально Ирак и Ливан) и суннитского блока (Турция, Египет, КСА, Катар и другие страны Залива). При этом немногие пытаются избежать этого довольно опасного упрощения картины и констатируют противоречия внутри суннитского лагеря⁶. Действительно, и Саудовская Аравия, и Турция поддерживают антиправительственные силы в Сирии, а также борются с региональным влиянием Ирана. Однако было бы неверно относить оба государства к единому «суннитскому блоку». Саудиты ориентируются на ваххабизм и салафизм, поддерживают соответствующие силы в Северной Африке, на Аравийском полуострове, в Сирии, Ливане и Ираке. В то же время нынешнее турецкое руководство во многом связывает будущее региона с движением «Братьев-мусульман» и придерживается концепции обретения умеренными исламистами власти демократическим путем. Поддержка «Братьев-мусульман» и их сторонников в Египте и Сирии обусловили противоборство турок и саудитов за сферы влияния.

В этой обстановке особый вес приобрела позиция Катара. С одной стороны, это классическая аравийская монархия, новое руководство которой с первых дней продемонстрировало стремление наладить отношения с соседями по Заливу. С другой – представители правящей элиты эмирата традиционно ориентируются на богословов из числа «Братьев-мусульман», например Ю.Аль-Кардауи, и в этой связи тяготеют к союзу с Турцией.

Противоборство Катара и Турции, с одной стороны, и КСА – с другой, наиболее ярко проявилось в Египте. Победа осталась за саудитами и их партнерами из ОАЭ и Кувейта, поддержавшими египетских во-

енных во главе с А.Ас-Сиси. Однако, принимая во внимание раскол в египетском обществе, стоит ожидать продолжения борьбы за власть в этой стране между представителями армии и «Братьев-мусульман».

Одновременно не меньшее значение, чем суннитско-шиитское противостояние и внутрисуннитские противоречия, приобретает влияние негосударственных участников на расстановку сил в регионе. В результате дестабилизации ситуации во многих государствах неправительственные силы, среди которых политические и религиозные движения, боевые и террористические группировки, а также отдельные племена (Ливия) обрели реальный вес. В первую очередь кризис в регионе усилил позиции тех самых «Братьев-мусульман» и схожих по взглядам партий, таких, как «Ан-Нахда» (Тунис). Несмотря на наметившуюся негативную тенденцию ослабления этих сил в Египте, Сирии и Тунисе, они все еще сохраняют достаточное влияние, имеют серьезных сторонников и поддержку широких слоев населения. Укрепилось положение и политическое влияние Хизбаллы в Ливане. Фактически движение стало ключевой политической и военной силой в стране. К тому же оно сыграло решающую роль в переломе ситуации в Сирии в пользу правительственных войск.

В целом, даже более мелкие негосударственные субъекты обрели новую роль в региональной повестке дня, получив больший доступ к политике: в Ливии кланы фактически разделили страну на сферы влияния, в Саудовской Аравии и Катаре у одного клана или нескольких шейхов может оказаться достаточно ресурсов для поддержки той или иной политической или боевой радикальной группировки в другом государстве. Эти группировки, в свою очередь, также способствуют дестабилизации ситуации во многих странах и их потенциальному дроблению. Необходимость считаться с наличием такого множества негосударственных сил осложняет и без того напряженную ситуацию на Ближнем Востоке.

⁶Kepele G. Egypt: The Third Phase of the Arab Revolutions // Huffingtonpost.com – 2013. – August 20.

В 2014 г. ключевым дестабилизирующим фактором на Ближнем и Среднем Востоке стала радикальная организация ИГИЛ. Успешные действия группировки в Сирии и Ираке и последовавшее объявление о создании «Халифата» – «Исламского государства» во главе с Абу Бакром Аль-Багдади ознаменовали новую главу в истории дестабилизации региона. По существу, возвышение ИГИЛ – квинтэссенция основных негативных тенденций, характеризовавших Ближний и Средний Восток в последние годы: *эскалации шиитско-суннитского противостояния, ренессанса радикального ислама на благодатной почве анархии в Ираке, Сирии и Ливии, а также ослабления центральной власти и суверенитета большинства государств при полной прозрачности и незащищенности границ.*

Формирование «Исламского государства» стало провокацией регионального масштаба⁷, способной повлечь за собой серьезные последствия. Перекраивание региональных границ – одно из них, и далеко не самое фантастическое, как может показаться на первый взгляд.

3

Баланс сил и поведение ключевых игроков на Ближнем Востоке так или иначе связаны с узловыми проблемами региона, среди которых иранское ядерное досье, ситуации в Сирии и Египте, региональный терроризм, а также палестино-израильское урегулирование. Все текущие временные и потенциальные союзы зависят от подходов к этим ключевым вопросам. При этом наблюдается тенденция к ослаблению традиционных связей и поиску новых союзников для решения конкретных задач.

Импульсом к развитию данной тенденции послужило поведение США. Пересмотр позиции по ближневосточному урегулированию в сторону палестинцев, наметившийся еще в ходе первого срока администрации Б. Обамы, стал причиной охлаждения отношений с Израилем. Попытка отказаться от

верности традиционному союзу в пользу решения конъюнктурных задач по улучшению имиджа на «арабской улице» стала первым сигналом перехода США к прагматическому подходу ведения дел в регионе, предполагающему, в частности, возможность несоблюдения некоторых обязательств перед союзниками.

Более очевидной демонстрацией нового курса стала линия на поддержку «Братьев-мусульман» в Египте. Отказ от защиты своего едва ли не главного союзника в регионе – Х.Мубарака – и открытая поддержка его основных противников привели к дальнейшему росту недоверия к США. В Израиле убедились в том, что вопросы собственной безопасности им, возможно, придется решать самостоятельно.

Не в меньшей степени поведение американцев в Египте насторожило их давних «заливных» сателлитов из Саудовской Аравии. Обеспокоенные «шиитской угрозой» как безопасности правящего режима, так и государственной целостности, саудиты, своими глазами видевшие, как американцы не только не препятствуют свержению режима своего верного союзника, но и поддерживают революционные силы, более не чувствуют уверенности в США как гаранте стабильности и устойчивости власти в Королевстве. Сверх того, в Египте американцы поддержали традиционных религиозных оппонентов саудовских ваххабитов – движение «Братьев-мусульман», что дополнительно осложнило ситуацию.

Тем не менее вряд ли уместно говорить о кризисе в отношениях КСА и США. Саудитам в итоге удалось вернуть к власти в Египте военных. При этом они продолжали рассчитывать на американцев в сирийском и иранском вопросах. Однако конструктивная политика американской администрации на этих треках спутала Саудовской Аравии все карты. Отказ США от военной операции в Сирии, поддержка резолюции №2118 СБ ООН и инициативы по созыву конференции в Женеве, а также

⁷ Л.И.Корольков. Смогут ли коалиционные силы победить «Исламское государство»? <http://mgimo.ru/news/experts/document260413.phtml>

активизация переговоров по иранскому ядерному досье при проявленном желании добиться реальных результатов по данной проблеме — все это никак не увязывается с планами саудовского руководства.

Несмотря на наметившееся охлаждение отношений американцев с традиционно ключевыми партнерами в регионе — израильтянами и саудитами — сопровождающееся «утечками» обоюдострых критических заявлений⁸, позиции США в этих государствах, и лоббистов, представляющих эти страны в Конгрессе, достаточно сильны. Связи между ними остаются крепкими и строятся на многолетнем опыте сотрудничества во многих сферах, в том числе и военной. Это дает основания полагать, что в ближайшее время стороны постараются найти точки соприкосновения для придания импульса новому этапу развития отношений.

В то же время политика администрации Б. Обамы и очевидные расхождения по многим ключевым региональным проблемам заставят КСА, Израиль, а также Египет быть более осмотрительными в вопросе доверия США и искать пути диверсификации партнеров и союзников в регионе.

На фоне этой тенденции совершенно иначе выглядят отношения американцев с другими важными региональными игроками — Турцией и Катаром. *Во-первых*, в Египте американцы поддержали угодных этим странам «Братьев мусульман». *Во-вторых*, американцы, несмотря на явное нежелание, все же пошли на поддержку операции НАТО в Ливии, активным сторонником которой было катарское руководство. *В-третьих*, в Сирии США склонялись к поддержке тех революционных

сил (в первую очередь, Сирийского национального совета, а затем Национальной коалиции), позиции которых отстаивались в Анкаре и Дохе. Военный аспект сотрудничества также играет важную роль: Турция — главный региональный союзник США по НАТО, а в Катаре находится крупнейшая американская военная база (Аль-Удейд). Обе страны, несмотря на расхождение в позициях с иранским руководством, все же сохраняют возможности для налаживания диалога с Тегераном⁹.

В свете наметившейся ориентации американской дипломатии и лично государственного секретаря США Дж. Керри на мирные переговоры и достижение приемлемых результатов на иранском, сирийском и палестинско-израильском треках подобная позиция турецких и катарских партнеров по Ирану, а также их ощутимое влияние на сирийскую оппозицию и представителей палестинских политических движений более чем удобны США и способствует усилению их ориентации на Турцию и Катар.

Появление «Исламского государства» в 2014 г. стало дополнительной вводной, влияющей на баланс сил на Ближнем Востоке. Формирование очередной антитеррористической коалиции во главе с США предполагает новые роли для всех рассмотренных выше игроков. Необходимость вести наземные бои с набирающим силу противником означает, что американцы должны либо опираться на местные силы, либо наращивать военный контингент в Ираке. Нежелание прибегать ко второму варианту заставит американцев обеспечивать дополнительную помощь иракским войскам и курдским отрядам

⁸ Saudi Arabia Severs Diplomatic Ties with US over Response to Conflict in Syria. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2472680/Saudi-Arabia-severs-diplomatic-ties-US-response-conflict-Syria.html>

⁹ Турция пыталась наладить экономические контакты с иранцами в 2012 г., однако в тот момент развитию наметившегося сотрудничества помешали расхождения по Сирии. В настоящий момент стоит ожидать новые попытки выстраивания партнерских отношений, принимая во внимание взаимодополняемость экономик двух стран и тот факт, что Турция, все же определяя Иран в качестве политического конкурента, так или иначе не воспринимает его как военную угрозу в отличие от саудитов. Что касается Катара, то это государство традиционно старается поддерживать дружеские отношения с Ираном, принимая во внимание в том числе близость столь крупного и мощного соседа и собственную военную уязвимость, даже несмотря на американский «зонтик безопасности».

Пешмерга, а также оказывать давление на Турцию и страны Персидского залива для их вовлечения в наземные операции.

Выбор Турции, Саудовской Аравии и других государств региона – включиться в борьбу с обретающим все большую популярность среди недовольной и терпящей лишения «арабской улицы» ИГИЛ или занять созерцательно-выжидательную позицию (последнее в большей степени относится к Анкаре) – в данном случае будет принципиальным. В борьбе с трансграничным исламским фундаментализмом нового типа (активно использующим социальные сети и не признающим союзников среди государств, или группировок) необходима выработка решительных коллективных мер, в том числе и пропагандистских – по дискредитации «Исламского государства» в глазах Уммы.

Не менее принципиально стоит вопрос подключения к коалиции Ирана. В катастрофической для региона ситуации объединение суннитов и шиитов против общей угрозы может стать не только решающим фактором в победе над ИГИЛ, но и придать новый позитивный импульс развитию региональной ситуации в целом.

В сложившихся обстоятельствах особую роль в регионе может сыграть Россия. На фоне неопределенности линии США, ряда неудачных шагов руководств Великобритании и Франции¹⁰ и замешательства ключевых региональных игроков твердая и четкая позиция российского руководства на отстаивание основных принципов международного права, в том числе невмешательства во внутренние дела государств, в арабском мире воспринята как решимость до конца поддерживать своих союзников, не только показала свою справедливость и актуальность для текущей ситуации в регионе, но и вызвала уважение на «арабской улице», даже среди тех, кто изначально

осуждал поведение России в отношении сирийской проблемы.

В 2013 г. именно инициативы российской дипломатии по сирийскому и иранскому вопросам задали тон в региональной повестке дня и дали возможность всем заинтересованным сторонам найти пути к взаимовыгодному консенсусу.

Наблюдается заметное укрепление российских позиций в некоторых странах региона: Египте, Ливане, Иордании и Ираке. Во многом это связано с наращиванием экономического сотрудничества в нефтегазовой (Ирак) и военной (Египет) сферах, а также в сфере атомной энергетики (Иордания). В Ливане основой сотрудничества могут стать позитивные тенденции в отношениях с местными христианами и шиитами.

Исторический характер присутствия России на Ближнем и Среднем Востоке в сочетании с опытом противостояния радикальному исламу при удачной интеграции мирного ислама в социально-клерикальную структуру общества способен стать важной основой выработки подходов по противодействию, в том числе идеологическому, новым формам экстремизма, охватившим ослабленный последствиями продолжающейся «Арабской весны» регион.

* * *

Первая половина 2010-х годов была отмечена началом формирования нового баланса сил на Ближнем и Среднем Востоке. На авансцену выходят новые государства, изменяется роль некоторых традиционных игроков. В результате происходит процесс «размывания» лидерства США и блока НАТО: все больше государств приобретают право голоса и возможность реально влиять на региональную повестку дня.

Это происходит на фоне галопирующего роста нестабильности, что вынуждает госу-

¹⁰ Организованная вместе с Катаром операция НАТО в Ливии пошатнула позиции руководств обеих стран на внутривосточной арене и принесла Франции серьезный финансовый ущерб, когда создавшаяся нестабильность распространилась на территорию Мали. В Сирии данный союз также занял позицию, схожую с арабийскими монархиями, избрав линию на полное осуждение режима Б.Асада, обвинение правительства в использовании химоружия и отстаивание необходимости военного вмешательства.

дарства искать пути выхода из кризиса совместными усилиями. Однако до момента формирования не только устойчивой региональной системы, но и какого бы то ни было баланса сил заинтересованным государствам предстоит пройти долгий путь. Выстраиванию упорядоченной и относительно стабильной системы взаимоотношений на Ближнем Востоке препятствуют многочисленные противоречия, пронизывающие регион на всех уровнях от внешних игроков до отдельных кланов внутри кон-

кретных государств. Рост конфликтного потенциала при неразрешенности как традиционных (палестино-израильское урегулирование, Ирак), так и новых (ИГИЛ, Сирия) вопросов делает невозможным не только формирование четкой региональной системы или поддающихся систематизации «правил игры», но и определение политической карты региона ввиду наличия множества узловых трансграничных проблем, имеющих этно-конфессиональную природу.

Список литературы

- Богатуров А.Д.* «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США. М.: Едиториал Урсс, 2004. 48 с.
- Богатуров А.Д.* (ред.) Лидерство и конкуренция в мировой политике: США и Россия. М.: МГИМО, 2009. 290 с.
- Вавилов А.И.* Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран: опыт критического анализа / А. И. Вавилов. М.: Библос консалтинг, 2009. 350 с.
- Сапронова Т.А.* Генезис арабских революций // Международные процессы. 2011. Т.9. №3. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-seventh/15.htm>
- Сушенцов А.А.* США и волнения на Арабском Востоке. // Международные процессы. 2011. Т.9. №1. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/O13.htm>
- Уткин А.И.* Американская стратегия для XXI века. М.: Логос, 2000. 271 с.
- Хрусталев М.А.* Международные отношения на Ближнем Востоке. М.: МГИМО, 2002. 48 с.
- Шаклеина Т.А.* Россия и США в международных отношениях XXI века. М.: МГИМО, 2009. 457 с.
- Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке. М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 513 с.
- Kupchan Ch.* The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-first Century. Carnegie. 2003. 640 p.
- Mandelbaum M.* The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash Strapped Era. Public Affairs. New York. 2011. 327 p.

CHANGING GEOMETRY OF MIDDLE EAST SET-UPS

LEONID KOROLKOV

Permanent Mission of the Russian Federation to the European Union, Brussels, 1180, Belgium

Abstract

The Middle East is a traditional sphere of interest for great powers due to its rich oil and gas resources and geostrategic position. At the same time, the situation in this region has always been quite explosive and controversial. During the last few years, most of the key regional players that were influencing the situation in the Middle East during the 20th century started to alter their approaches to the region and their ways of behavior. On the other hand, we are witnessing the growing influence of several regional actors, while traditionally influential states have found themselves in a rather complicated situation. Thus, new regional realities cause an escalation in the struggle for spheres of influence between the key players. The vulnerability of the situation caused by a lack of state control and security became fertile soil for the spread of new forms of terrorism and violence across the region.

This article considers revolutions in the Arab world described as «the Arab Spring» or «the Arab awakening» and their effect on relations between main regional and world powers. It describes the ways great powers in their turn can influence or affect the processes in the Middle East. The main attention in this regard is paid to the role of the United States, the most influential power in the region. Its historical dominance and close ties with key players such as Egypt and Saudi Arabia used to be tenants of political balance in the region, but over the last decade this «frugal superpower's» regional policy has been catalyzing terrorism and jeopardizing the clash between Shia and Sunni.

At the same time, Russia as another traditional player in the region has been demonstrating a balanced position based on respect of the sovereignty of states and the right of peoples to choose their fate. Taking into account the current circumstances, that position proved to be wise. Russian efforts in enhancing ties with new governments and keeping relations with traditional authorities are efforts to promote stability and could be a good example for others.

The article analyses the way new tendencies and old issues influence the balance of power in the Middle East. It evaluates the goals and real abilities of the key regional and world players, thus forecasting how the current situation may develop.

Keywords:

Middle East, great powers, US strategy, Russian foreign policy, Persian Gulf.

References

- Bogaturov A. (2004) "Strategiya peremalivaniya" v mezhdunarodnih otnisheniyah i vneshney politike SSHA ["Strategy of grinding" in foreign relations and US foreign policy]. Moscow: Editorial Urss. 48 p.
- Khrustalev M.A. (2002) *Mezhdunarodnie otnosheniya na Blizhnem Vostoke* [International relations in the Middle East] Moscow: MGIMO. 48 p.
- Kupchan Ch. (2003) *The End of the American Era: U.S. Foreign Policy and the Geopolitics of the Twenty-First Century*. Carnegie. 640 p.
- Bogaturov A.D. (ed.). (2009) *Liderstvo i konkurenciya v mirovoy politike: SSHA i Rossiya* [Leadership and Competition in foreign policy: US and Russia]. Moscow: MGIMO. 290 p.
- Mandelbaum M. *The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash Strapped Era*. New York: Public Affairs. 2011. 327 p.
- Sapronova M.A. Genезis arabskikh revolyuziy. [Genesis of Arab revolutions] *Mezhdunarodnye protsessy*. T.9. No. 3. Available at: <http://www.intertrends.ru/twenty-seventh/15.htm>
- Shakleina T.A. (2009) *Rossiya i SSHA v mezhdunarodnikh otnosheniyakh XXI veka* [Russia and the US in international relations of XXI century] Moscow: MGIMO. 457 p.
- Shakleina T.A. (2002) *Rossiya i SSHA v novom mirovom poryadke* [Russia and the US in a new world order] Moscow: Institut SSHA i Kanady RAN. 513 p.
- Sushentsov A.A. SSHA i volneniya na Arabskom Vostoke [US and instability in Arab states] *Mezhdunarodnye protsessy*. T.9 No 1. Available at: <http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/O13.htm>
- Utkin A.I. (2000) *Amerikanskaya strategiya dlya XXI veka* [American strategy for XXI century] Moscow: Logos. 271 p.
- Vavilov A.I. (2009) *Politika SSHA v musulmanskom mire na primere arabskikh stran: opyt kriticheskogo analiza*. [US policy in Muslim world: critical analysis of experience of Arab countries]. Moscow: Biblos konsalting. 350 p.